

— Хе, хе, хе, совершенно вѣрно изволили замѣтить, именно—
съ плюмажемъ!

— И въ шляпѣ...—вопросительно произнесъ Алексѣй Бори-
совичъ, подобно всѣмъ давно уже слышавшіи объ этой исторії
съ генеральскими вещами.

— И въ шляпѣ, кхе, кхе... въ шляпѣ...—снова затруднился
старецъ, пріискивая выраженія и торопливо подергивая бакен-
барды.

— Нецензурная дрянь, ваше высокопревосходительство?—
подхватилъ Волхонскій.

Старецъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ, вотъ...—поспѣшно произнесъ онъ, —совершенно
вѣрно изволили выразиться... именно—дрянь... именно—нечен-
зурная дрянь, хе, хе, хе... Нѣть, представьте, какова дерзость!

— И вы, ваше высокопревосходительство—безъ шляпы и безъ
пьедестальчиковъ,—съ участіемъ сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— И прибавьте: безъ мундира и безъ звѣзды-съ... хе, хе,
хе,—и старецъ побѣдоносно двинулъ далѣ.

Лукавинъ и Мишель произвели своимъ появлениемъ совер-
шеннѣйший эффектъ. Всѣ характеры какъ-то внезапно извратились
и слились въ общемъ подхалимскомъ порывѣ. Ядовитый отецъ
Ихтіозавръ улыбался точно гимназистка третьаго класса, полу-
чившая хорошую отмѣтку. Чопорный сановникъ дѣлалъ застѣн-
чивые глазки. Важный полковникъ изъявилъ полнѣйшую готов-
ность устремиться за платкомъ, который уронилъ Лукавинъ. Цуц-
кой, что поглушилъ, бродилъ около него какъ ягненокъ и безъ
прерывно заглядывалъ въ глаза... Даже авторъ знаменитой бро-
шюры и тотъ таялъ, какъ мармеладъ, и, фамильярно подхватилъ
Петра Лукьянчу подъ руку, дружески разспрашивалъ его о
здоровье «знаменитаго родителя» и о томъ, есть ли шансы
получить Лукянну Трифонычу концессію на сибирскую дорогу,
и только тотъ Цуцкой, что поумнѣе, съ азартомъ посматривалъ
на него, отъ времени до времени плотоядно оскаливая зубы.
Лукавинъ держался чопорно; но иногда слабая усмѣшка мель-
кала у него въ усахъ и онъ оглядывалъ господъ съ вѣжливой
презрительностью.

Что касается до графа, то ему особливо везло среди дамъ.
Такъ, когда онъ раскрылъ свой меланхолический ротикъ и раз-
сыпалъ передъ ними прелестнѣйшія французскія словеса, онъ
даже издали нечто въ родѣ тихаго и упомятельного визга.